

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ “ОСТРОЙ СИЛЫ” В ИНФОРМАЦИОННЫХ “ВОЙНАХ БЕЗ ВОЙН”

А.А. РОМАНОВ,^{1,2} Л.А. РОМАНОВА¹

¹Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь;

²Тверской государственный университет, г. Тверь

Обострение информационно-коммуникативного противостояния между участниками борьбы за репутационный капитал как бенефициарный ресурс в глобальном мире обуславливает порождение и реализацию особых дискурсивных практик «острой силы» для реализации своих запланированных целей.

Ключевые слова: дискурсивная практика, информационное противостояние, «острая сила», агрессивные дискурсивные практики *троллинга, флейминга, моббинга и буллинга*.

DISCOURSE PRACTICES OF “SHARP FORCE” IN INFORMATION “WARS WITHOUT WARS”

A.A. ROMANOV, L.A. ROMANOVA

The worsening of information and communicative confrontation between the participants in the struggle for reputation capital as a beneficial resource in the global world determines the generation and implementation of special discursive practices of “sharp force” to realize their planned goals.

Key words: *discursive practice, information confrontation, “sharp power”, aggressive discursive practices of trolling, flaming, mobbing and bullying.*

*Когда мы берём в руки
иностранную вещь, мы
невольно перенимаем
ментальность её создателя.*

В.О. Ключевский

В работах, посвященных «интенсивному информационному воздействию», «информационной агрессии», «информационному противостоянию и влиянию», «информационно–психологическим войнам» и «войнам без войн» («демографическим войнам», «экономическим войнам», «войнам смыслов», «войнам связности» или “connectivity wars”, «финансовым войнам» – “financial warfare”, «новым геоэкономическим “играм”», дефензивно-атакующим «инфраструктурным альянсам» – “defense infrastructure alliances”), а также «агрессивному концентрированному воздействию» и «виртуальным интервенциям» в виде гибридных кибератак противоборствующих на мировой арене друг с другом сторон, отмечается, что формы даже самой тесной глобализационной связности в финансовых, торговых, военно-промышленных, политических, сырьевых и культурных сферах между странами-актерами в мире не защищают ни этот мир, ни сами страны-актеры от ожесточённой борьбы друг против друга за ресурсный капитал мира, в широком смысле этого понятия, включая не только «символический капитал», по П. Бурдьё [1], но и

«бенефициарный репутационный капитал» культурного наследия [см.: 2; 4-9; 10-15; 16-18; 19; 20; 21; 22].

В такого рода межгосударственных конфликтах или противостояниях, принимающих форму *“война без войны”* (т.е. форму ведения агрессивных действий, наносящих другой атакованной стороне ущерб без применения кинетического оружия), *любой из невоенных ресурсов* – от финансовых инвестиций, научного сотрудничества, торгового, туристического и культурного обменов до организации спортивных мероприятий, художественных выставок, а также культурных сезонов, например, «год России» в Китае, Японии, Южной Корее и наоборот, фестивалей, театральных представлений и даже открытия обыкновенных языковых школ – вполне может оказаться не только объектом, но и эффективным инструментом давления и жёстким воздействием на соперника: на континент, страну, регион, корпорацию, компанию, фирму, а также на консциентальную сферу лидеров атакованных стран и даже руководителей производственных организаций отдельно взятой страны. В подобного рода противостояниях, конфликтах, “атаках,” “войнах без войн” и “новых геэкономических играх”, в трактовке Хуана Зарате [21], «самым важным», по мнению М. Леонарда, “полем битвы” выбирается «ни воздух, ни земля, а, скорее, взаимозависимая инфраструктура глобальной экономики», охватывающая свертывание и прерывание (в виде частичного отказа от) торговых связей и инвестиций, “заморозку” международных правовых отношений (например, в плане задержек или отказа в выдаче дипломатических виз государственным лицам, спортсменам, ученым, нарушение дипломатического иммунитета, игнорирование суверенитета отдельной страны или стран, неприкрытое вмешательство во внутренние дела другого государства и т.п.), блокировку или отключение ресурсов интернет и систем межбанковских переводов финансовых потоков, блокирование или временное закрытие морских, сухопутных (автомобильных, железнодорожных) и воздушных транспортных торговых путей, санкционированный в одностороннем порядке запрет на обмен технологиями, на передвижение людей, товаров и ресурсов [20, с. 13]. Одним словом – заключает Марк Леонард – «добро пожаловать в войны связности».

Обозначенную форму жёсткого и агрессивного давления на противоположную сторону (“жертву”) всё чаще именуют понятием *“острая сила”* (sharp force), которое в последнее время пришло на смену уже введённым в политический оборот Дж. Наем [3] понятиям, представляющим её дезруптивные варианты: *“мягкая сила”*, *“жесткая сила”* и *“умная сила”* [подробнее см.:10-16; 17-18]. Сегодня понятие *“острая сила”* (сокращенно: ОС) широко применяется в геополитическом пространстве для характеристики воздействующего объёма *комплекса стратегий* невоенной силы *экономического воздействия* (давления), которую используют для осуществления авторитарного, агрессивного и жёсткого (разрушительного или дезруптивного) давления, направленного на проникновение, переформатирование, а также разрыв целостности и единства экономической,

социально – политической и коммуникативной инфраструктур (т.е. ”инфраструктурного альянса”, в терминологии Х. Зарате) атакованного общества «в собственных (”бенефициарных”) интересах атакующей стороны, страны-агрессора» [10-16] или ”агрессивной страны” [21, с. 31].

Нет сомнения, что такое агрессивно-авторитарное, комплексное давление может осуществляться более мощной в военно - экономическом отношении стороной, которая, по её собственной (или объективной) оценке, способна разорвать гиперсвязность (базовые скрепы) перечисленных составляющих «инфраструктурного альянса» как в рамках общества отдельной страны, так и в геополитическом масштабе, чтобы лишить атакованную ”жертву” поддержки и помощи со стороны её соседей – симпатантов или сочувствующих ей стран в мире. Примером такого комплексного, авторитарно-агрессивного давления может служить поведение в мире США в отношении «ядерного соглашения» между США, Ираном, Россией и ЕС, а также в отношении Венесуэлы, Кубы, Сербии, газопровода «Северный поток-2» и компаний ряда европейских стран, участвующих в его строительстве. По сравнению с тремя другими разновидностями внешнего воздействия на противника – ”*мягкой силой*”, ”*жесткой силой*” и ”*умной силой*”, преимущественно ориентированными на завоевание его симпатий, вполне очевидны преимущественные отличия ”*острой силы*” (ОС) в плане комплексного жёсткого давления на атакованную сторону, которые можно, в общем и целом, свести к следующему:

а) ОС представляет собой более агрессивную и авторитарную форму комплексного давления на противодействующую сторону по сравнению с воздействующим ресурсом ”*мягкой силы*”, несмотря на тот факт, что в последнее время «мягкое воздействие» (“soft power”) в смысле «концепция, инструмент, ресурс» всё чаще реализуется в прагматической и коммуникативной функции постепенного (поэтапного, пошагового) «тихого убийства» (“soft kill”) своего соперника [подробнее см19];

б) ОС «эксплицитно и демонстративно», не принимая во внимание реакцию мирового сообщества и не прислушиваясь к возражениям своих союзников, расправляется с соперниками в «назидание другим» строптивцам, методично “убивая” (подавляя) сопротивление противоборствующей стороны;

в) в отличие от «мягкой силы», направленной атакующей стороной на постепенное завоевание симпатий у соперника, постепенного вторжения и вхождения» внутрь его инфраструктуры, ненасильственного его «приручения», в духе А. Экзюпери, сводимого к “добровольному” политическому подчинению и добровольному делегированию своего суверенитета на международной арене или даже частичного отказа от него, ОС действует на удаленном расстоянии, избегая реальных контактов с противостоящей стороной, что позволяет точнее выбирать объект атаки в «инфраструктуре альянса» и фиксировать результаты своего воздействия;

г) чередуя объекты атаки на составляющие (или конститuenty) «инфраструктурных альянсов» противника, ОС фиксирует наиболее “уязвимые” и “болевые” точки такой инфраструктуры, определяемые как самые

незащищённые, самые важные для жизнедеятельности или «дефицитные ресурсы», которые при жёстком воздействии на противника способны подорвать его экономическую мощь и политическое влияние в мире [16; 17-18];

д) атакуя «дефицитные ресурсы» противника, ОС дезорганизует сопротивление атакованной стороны, так как последняя не может в момент атакующего воздействия точно просчитать наносимый ей ущерб, который, в свою очередь, способен высветить какой-то другой «дефицитный ресурс» («слабое звено») в «инфраструктурном альянсе», и может сказаться на эффективности отпора агрессору;

е) ОС опирается на имеющиеся (апробированные или уже разработанные, сконструированные) сценарные представления типовых (унифицированных) фреймовых конфигураций, коррелирующих с моделями мира, укоренёнными в массовом сознании членов атакованного общества. Ошибка в такой корреляции может привести к непропорциональному выбору объекта воздействия, что способно снизить эффективность воздействующего потенциала *“острой силы”* [17-18].

Вместе с тем понятно, однако, что агрессивно-авторитарная форма комплексного влияния в виде *“острой силы”* обладает рядом *недостатков* по сравнению с воздействующим ресурсом её дезруптивных вариантов *“мягкой силы”* и *“умной силы”*. К числу таких *недостатков* можно отнести следующие:

а) в стратегическом плане ОС не стремится обладать «аттрактивной», притягательной силой, чтобы тратить время на убеждение и постепенное «приручение», по А. Экзюпери, своего противника, что позволяет обороняющейся стороне определить направление атак ОС и подготовить свои ресурсы для их отпора. Для ОС важен демонстративный напор и натиск, а также учёт дефицита времени для результативного решения поставленной задачи, не откладывая решения на долгую перспективу;

б) стратегическая опора ОС на имеющиеся (апробированные, уже разработанные, сконструированные и унифицированные) сценарные представления типовых фреймовых конфигураций предоставляет ей, с одной стороны, больше возможностей в выборе арсенала средств для осуществления агрессивной и жёсткой атаки, но, с другой стороны, реализация атак по сценарному шаблону («лекалу») позволяет атакованной стороне подготовить успешное отражение (защиту) от неё;

в) ОС не в полной мере уделяет внимание для того, чтобы тщательно изучить «ядерные скрепы» организационной структуры общества атакованного соперника (государства, корпорации, компании, фирмы), а именно: **1)** его культуру в широком понимании, **2)** его политические, в том числе, традиционные, культурно – исторические и национальные ценности, а также **3)** уровень легитимности правящей власти атакованной страны и специфику проводимого ею курса внешней и внутренней политики в глазах мирового сообщества, о чём свидетельствуют примеры с Ливией, Ираком, Ираном, Сирией;

г) нацеленная на стратегию комплексного жёсткого давления на экономические и производственно-промышленные отрасли атакованной стороны, ОС не в полной мере и степени выявляет ресурсы коммуникативной уязвимости соперника как государства-противника, как государства-соперника, как участника военного блока государств, как члена экономического союза государств, но в то же время направляет своё жёсткое таргетированное воздействие на отдельные, «инфраструктурные альянсы» значимых для страны корпораций, компаний и фирм;

д) ОС не ставит своей главной целью силами атакованного общества немедленно осуществить информационные преобразования («информационную революцию», внутриобщественный «майдан»), а пытается навязать этому обществу собственное или «бенефициарное информационное доминирование» при помощи спиндокторинговых технологий, семантических диффамаций, «вирусного» распространения регулятивно-меметических идей – мемов, «прошивающих» насквозь индивидуальное и массовое сознание членов атакованного общества, чтобы организовать формирование и распространение в глобальных СМИ фейковых (постправдивых, сфабрикованных, «срежиссированных») дискурсов с целью их массового вброса в глобальное медийно-сетевое пространство интернет и коммуникативно-медийную среду атакованного противника;

е) пытаясь достичь максимального успеха при помощи своего воздействующего потенциала, реализация ОС, в отличие от «мягкой силы», действующей незаметно, оставляет демонстративные «форсажные следы» (маркеры) своего воздействия, которые позволяют судить о специфике и характере «остроты» комплексного авторитарного давления не только на отраслевую разновидность «инфраструктурных альянсов», но и на консциентальную сферу членов атакованного общества;

ё) жёсткое, форсажное воздействие ОС находит своё отражение в коммуникативно-информационной сфере противостояния, маркируемого комбинированными вербально-авербальными (т.е. полимодальными: фото, клипы, кино, видео, ТВ-сюжеты, репортажи, рисунки, карикатуры и т.п.) практиками фейковой дискурсии в виде агрессивных **троллинговых, флейминговых, моббинговых и буллинговых** коммуникативных проявлений или коммуникатов (см. подробнее авторские публикации: [5-9; 10-16; 17-18]).

Несмотря на имеющиеся различия в средствах вербальной репрезентации объёмов воздействия и стратегиях их реализации, важно отметить, что комплексные потенциалы агрессивного воздействия «острой силы» и её дезруптивных вариантов в виде «мягкой силы», «жёсткой силы» и «умной силы», играют в информационно - психологических противостояниях или «войнах без войн» свою особую роль, которая в процессе достижения запланированного (результатирующего) эффекта не менее важна для атакующей стороны, чем таргетированное разрушение ею инфраструктуры глобальной экономики атакованного противника. Поэтому в информационно-агрессивной «войне без войны» у атакующей стороны наряду с таргетированным

разрушением “альянсной” инфраструктуры глобальной экономики противника возникает, помимо всего прочего, “острая” необходимость *подготовить* для своей и мировой общественности убедительное *обоснование* “нормативно-правовой” базы для осуществления агрессии и на этой основе *создать* коалиционное, бенефициарное общественное мнение в мирового сообщества, чтобы сформировать образ “опасного врага”, который своими неприемлемыми, агрессивными действиями на мировой арене (на континенте, в регионе, в стране) разрушает созданную бенефициаром “правильную” картину мироустройства и своим неправильным (агрессивным) поведением угрожает единству и целостности мира. В таком контексте справедливое наказание врага за “неправильное” поведение является оправданным и правомерным, потому что для агрессивного бенефициара такое поведение не вписывается в его модель мироустройства. Следовательно, страну с таким поведением можно считать источником вредного влияния на других (т.е. “правильных”) членов мирового сообщества. По этой причине такая страна расценивается бенефициаром-агрессором как один из важнейших факторов формирования угрозы не только существующему миропорядку в целом, но и самому агрессивному бенефициару в частности.

Оценка и признание мировым сообществом или группой лояльных агрессивному бенефициару стран-сателлитов “неправильного” (неподобающего) поведения с противоборствующей стороны возводится в ранг насущной угрозы их эффективной жизнедеятельности. Именно фактор насущной угрозы обуславливает разработку, а затем и обоснование для практической реализации комплексной или комбинированной **стратегии переформатирования** общественного мнения атакованного соперника, для того чтобы в глазах мировой общественности и общественности атакованной стороны оправдать своё дезруптивнок поведение и не вызвать международного осуждения и открытого протеста. Для реализации такой стратегии на практике атакующая сторона или «страна-агрессор» или “агрессивная страна”, по Х. Зарате [21], активно использует как информационно – коммуникативные ресурсы “**острой силы**” (ОС), так и ресурсы своих дезруптивных вариантов, направленных на *консциентальную сферу* атакованного соперника (страну или группы стран) с привлечением масштабного арсенала различных коммуникативных технологий и вербальных средств, чтобы «прошивать» насквозь фейковыми, регулятивно-меметическими или “вирусными” идеями и посланиями информационную среду атакованного соперника с целью:

а) обосновать в глазах мировой общественности ведение своих агрессивных действий, дезруптивный характер которых справедлив, потому что они обоснованы “неправильным” и вызывающим поведением атакованной стороны;

б) системно осуществлять дезруптивное, разрушительное проникновение в информационно-коммуникативное пространство атакованной стороны, чтобы полностью нейтрализовать или парализовать информационно – коммуникативную активность «ядра» этого пространства,

в) формировать внутри атакованного общества соответствующую целевую аудиторию из симпатантов (т.е. своего рода "троянского коня") и грантополучателей;

г) активно и результативно воздействовать на консциентальную сферу этой аудитории, чтобы успешно управлять ею [6-9; 10-16; 17-18; 22].

Таким образом, *основная цель стратегического использования* фактора ОС в информационно-психологическом противостоянии или "войне без войны" сводится к формированию агрессивного "силового", вербально-авербального, манипулятивного механизма, при помощи которого атакующая сторона-бенефициар стремится активно продуцировать и использовать "отравленную", "вирусную", "регулятивно-меметическую" или "фейковую" информацию в виде коммуникативных *маркеров-посланий* и *практик*, нацеленных на "болевые точки", т.е. точки разрыва целостности и единства (или "альянса") не только экономической инфраструктуры, но и информационно-коммуникативного пространства всего общества атакованного соперника. Активное продуцирование разрушительных, "вирусных" посланий и интенсивное их внедрение в информативное пространство социальных сетей противника создаёт коммуникативные условия для функционирования широкого, многожанрового ряда или типажа "фейковых" (нефактуальных, выдуманных и сконструированных или мифотворческих) посланий в роли агрессивно – дезруптивных практик, способных выступать как в качестве атакующих, так и в качестве дефензивных (т.е. противостоящих, отбивающих постправдивые или фактуальные информативные послания) посланий участников мифотворческой и миротворческой репутационной "войны без войны" [5-9; 10-16; 17-18; 22].

Продуцирование разрушительной "остроты" отмеченных "боевых" действий противоборствующих сторон базируется на технологии *механизма реализации* двухступенчатой стратегии *внедрения дезруптивного конструкта* (или концепта ментальной репрезентации) в консциентальную сферу атакованного «информационным агрессором» общества. На *первой* ступени (или этапе) реализации *разрушительной* стратегии необходимо через целевую аудиторию сформировать у атакованной стороны *регулятивно-ментальный образ* (функционально-семантическое представление – ФСП) в виде меметического, "отравленного", т.е. несущего отрицательный заряд "вирусного" *когнитивного конструкта* или *ментальной репрезентации (о функциональной специфике ФСП см. подробнее [10; 11]. На второй ступени, когда ментальное пространство атакованного общества окажется "насквозь прошитым"* (наполненным, насыщенным, набитым) вирусными ФСП-мемами и которые в результате такого насыщения закрепятся в нём, то атакующей стороне останется только лишь активировать эти ФСП-мемы по реперным (якорным) точкам, коррелирующим с "болевыми" точками общества [подробнее: 5-9; 10-16].

В качестве функционального инструментария реализации отмеченной выше двухступенчатой стратегии нередко выступают коммуникативно-

провокативные практики вербальных агрессивных форм *”жесткого”, ”острого”* и *дезруптивного* воздействия в форме неприкрытого (незамаскированного, нарочитого и показательного) эмоционального давления и даже *балансирования* на грани фола в виде угроз применения реальной военной силы. К их числу можно отнести варианты политических практик вербальной агрессии, именуемые практиками *троллинга, флейминга, моббинга* и, частично, *буллинга*. Спектр применения перечисленных практик вербальной агрессии достаточно широк и полифункционален (о коммуникативно-функциональной специфике выделенных агрессивных практик см. подробнее в [16; 17-18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
2. Кокошин А.А. Несколько измерений войны // Вопросы философии. 2016, № 8. С. 5–19.
3. Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Пер. с англ. М.: ФСПИ Тренды, 2006. 221 с.
4. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – Москва – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ТГСХА, 2002. 191 с.
5. Романов А.А. Спиндокторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Ежегодное международное издание. Вып. 13. Воронеж: НАУКА – ЮНИПРЕСС; Воронежск. гос. ун-т, 2014. С. 88–118.
6. Романов А.А. Меметический механизм конструирования медиа - смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015, № 3. С. 1-16. Режим доступа: [http:// tverlingua.ru](http://tverlingua.ru)
7. Романов А.А. Механизм распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016, № 2. С. 1–19. Режим доступа: <http:// tverlingua.ru>
8. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016а, № 4. С. 1–35. Режим доступа: <http:// tverlingua.ru>
9. Романов А.А. «Окно дискурса» как технология изменения представления о реальности // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. С. 205–214.
10. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. 183 с.
11. Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. М.: ЛЕНАНД (УРСС), 2020. 264 с.
12. Романов А.А., Романова Л.А. Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015, № 3. С. 1–16. Режим доступа: <http:// www. tverlingua.ru>
13. Романов А.А., Романова Л.А. Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017, № 2. С. 1–32. Режим доступа: <http:// www. tverlingua.ru>
14. Романов А.А., Романова Л.А. Специфика внедрения «вирусной» информации в инфосферу // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: матер. Междунар. научн. конф. Минск (Беларусь) 10-11 мая 2017 г. Минск: Минск. гос. лингвист. ун-т, 2017а. С. 81–83.

15. Романов А.А., Романова Л.А. Агрессивные коммуникативные практики «мягкой силы» в политической дискурсии и контрдискурсии (на материале публичных интервью /В.В. Путина) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018, № 1. С. 32–74. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)
16. Романов А.А., Романова Л.А. Политические ТВ-интервью как медийный ресурс “мягкой силы” // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казанск. федер. ун-т, 14–17 окт. 2018 г.) в 2-х томах. Том 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018а. С. 205–216.
17. Романов А.А., Романова Л.А. Фейковая дискурсия и контрдискурсия в консьциентальном противостоянии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции. Москва: Изд-во «Перо»; Саратов: Амирант, 2018б. С. 284–289.
18. Романов А.А., Романова Л.А. Вербальный компонент “мягкой силы” как инструмента дискурсивного влияния в геополитическом пространстве // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018в, № 2. С. 1–40. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)
19. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Фреймовая матрица спин - докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015, № 2. С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
20. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Политическое интервью как инструмент вербального агрессивного воздействия «мягкой силы» в информационном противостоянии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018, № 3. С. 1–50. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)
21. Black P. Soft Kill: Fighting Infrastructure Wars in the 21st Century // Wired (July-August). 1993. P. 49–50.
22. Leonard M. Introduction: connectivity wars // Connectivity wars. Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future. Ed. by M. Leonard. L.: European Council on Foreign Relations, 2016 P. 13–27.
23. Zarate J. The new geo-economic game // Connectivity wars. Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future. Ed. by M. Leonard. L.: European Council on Foreign Relations, 2016. P. 31–35.
24. Romanov A., Malysheva E. Political language in internet communication // The V International Academic Congress “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries” (United Kingdom, Cambridge, England, 14-16 October 2015). Papers and Commentaries. vol. II. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2016. P. 152–158.